

Пройдут годы, и Некрасов умерит свой горький гнев к отцу, поясняя, что грубость нрава и необузданность поступков были обычны в помещичьей среде. Зато отец привил ему смелость, бесстрашие, научил меткой стрельбе, верховой езде... Но главное призвание Некрасова — не страстно любимая им охота, и не карты, в которых он был удачлив. Поэтической натурой одарила Некрасова мать, и он будет это помнить до последних дней жизни.

А тогда, на заре туманной юности, настало черное время: вскоре за потерей матери последовал еще один удар — умерла старшая сестра, Елизавета. Она была для Некрасова в семье самым близким, после матери, человеком.

Почему так: все настоящее, великое оплачено либо большим трудом, либо неизбывным страданием?!..

* * *

В жизни думающего человека ничего не бывает случайным: каждый шаг, поступок — частицы большой картины-мозаики под названием «жизнь». Что и говорить, полотна в результате у каждого получаются разные: бытописание, авангард, суровый реализм, бездушный дизайн...

В пору своей учебы на историческом факультете, вернувшись из Воронежа на каникулы домой, я купила в книжном магазине том избранных сочинений Некрасова. Строго говоря, он был мне не нужен: литературу уже «прошли», а стесненность в средствах заставляла беречь каждый рубль. Но все разумные расчеты отступили в сторону, когда я открыла книгу:

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.
Все ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Может быть, большая часть читателей — это несостоявшиеся писатели?!.. «Рифмованные звуки» в то время уже робко нарушали обычный труд, а сердце мое, да, было слишком мягким, чтобы решительно откликнуться на зов слова... Я любила стихи Некрасова так, как любят свежеспеченный домашний хлеб, и потому мне была *нужна* эта книга. Зачем? Объяснить себе я это не могла.

Плотный, цвета темной морской волны том за 26 лет своей жизни совершил негромкое «кругосветное путешествие» — из провинциального Калача в Воронеж, оттуда вместе с остальной библиотекой — в Москву, далее с одной квартиры на другую (позже, когда я готовилась к экзаменам в Литинститут, у меня был «свой Некрасов», «свой Лермонтов» и пр.), и вот теперь я привезла книгу домой, где пишу этот очерк, работая днем на огороде, а вечером погружаясь в знакомые строки:

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда,
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Мужественность поэзии Некрасова поразительна. За простотой формы, некоторой прозаичностью изложения — «Нет в тебе поэзии свободной, // Мой суровый, неуклюжий стих!» — сколько честности, умения смотреть невзгодам в лицо, сколько спокойного достоинства, горечи и сожаления о том, что жизнь могла быть гораздо красивее и счастливее и что это состояние обязательно перелилось бы в слово. Некра-